

УДК 22

ГРНТИ 21.41.63

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ» В
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Калинин Михаил Андреевич

Магистрант 2-го курса

Московской Сретенской духовной семинарии

г. Москва, Россия

Kazachij7891@mail.ru

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "FAMILY" IN THE OLD
CHURCH SLAVONIC LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD**

Mikhail A. Kalinin

2-year master's student of

Sretensky Theological Seminary

Moscow, Russia

Kazachij7891@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследовании рассматривается церковнославянская картина мира, определяется роль и значимость в ней понятия «семья». Применительно к церковнославянской языковой картине мира оно имеет значение, близкое к греческому (дом, домашние – от греч. ойкос). Стоит отметить, что oikos в древнегреческом языке имеет несколько значений. И о них пойдет речь.

ABSTRACT

The article is devoted to the Church Slavic picture of the world, and also discusses the role and significance of the concept of “family” in it. As applied to the Church Slavonic language picture of the world, it has a meaning close to the Greek. It is worth noting that oikos in ancient Greek has several meanings. And they will be discussed.

Ключевые слова: церковнославянская языковая картина мира; семья; христианское миропонимание.

Keywords: Old Church Slavonic language picture of the world; family; understanding of the world by christian.

Актуальность темы исследования

Антропоцентризм современной научной парадигмы обусловил интерес к вопросам, связанным с проблемой специфики русской языковой картины мира. Одной из важнейших её составляющих на протяжении многих веков было православие, определявшее образ жизни русского христианина, его нравственные ориентиры. Несомненно, что отраженная в русском языке «православная картина мира» формировалась непосредственно под влиянием церковнославянского языка. Языковая картина мира (ЯКМ) формируется в процессе когнитивной деятельности человека и влияет на нее. Язык выступает как информативный материал для изучения человеческого сознания, о реалиях окружающего мира.

Понятие семьи является одним из базовых элементов русского менталитета. С момента рождения каждый ребенок нуждается в семье, где усваиваются основные социальные знания, приобретаются нравственные умения и навыки, закладываются определенные ценности, формируются обычаи, традиции. Изучение специфических особенностей репрезентации понятия «семья» в ЦЯКМ представляется важным для развития лингвистики, а также вносит определенную лепту в культурологию, тесно связанную с религией.

Новизна результатов

Несмотря на то, что в последние годы в отечественной и в зарубежной лингвистике было написано много работ, связанных с различными понятиями, концептами, исследование проблем ЯКМ на материале церковнославянского языка до сих пор не получило специального научного освящения, как и сам термин «церковнославянская языковая картина мира» (далее – ЦЯКМ).

Объектом исследования являются церковнославянские тексты, репрезентирующие понятие «семья».

Под ЦЯКМ мы понимаем совокупность представлений о мире, сформированных в сознании людей посредством христианского миропонимания и отраженных в текстах на церковнославянском языке.

Церковнославянский язык является живым, он изменяется, хотя и не такими темпами, как разговорные языки. Данный факт обусловлен тем, что церковнославянский язык является языком книжным и совершенно не используется в устно-бытовой речи. Однако, как показывает церковная практика, усвоение церковнославянского языка верующими людьми происходит с трудом и длится, как правило, не один год. В связи с этим в церковной среде в разное время возникает потребность в его редактировании. В некоторых случаях оно связано с упрощением и вульгаризацией. К сожалению, подобные попытки вмешаться в строй языка основаны на недостаточном понимании глубины и многозначности церковнославянских слов. Их уникальность заключается не только в том, что язык, в который они входят, был создан святыми людьми по вдохновению Святого Духа, но и в том, что он был разработан исключительно для богослужебного использования. Другими словами, представляя собой необычный синтез греческого и славянского языков, он был предназначен для выражения Божественных истин и вещей духовного порядка по преимуществу с целью передачи и усвоения этих смыслов сознанием человека.

Для обычного члена Церкви церковнославянский язык или малопонятен, или не понятен вообще. Происходит это, в частности, по причине падения духовно-нравственных устоев аристократии, из-за «принятия ею западной либерально-капиталистической картины мира, предательства духовной составляющей картины мира русской нации, а также последующего 70-летнего геноцида русской культуры» [2, 71–73].

Помимо сказанного, слабое понимание священных текстов обусловлено также и другими факторами. Отдельного рассмотрения заслуживают богослужебные термины, заимствованные из греческого языка путем

транслитерации и как будто не имеющие адекватных аналогов в русском (*дориносима чинми*», *ис полла эти дэспота* и пр.), и от того ставшие еще менее понятными.

Надо учитывать и следующее: «Первохристианское сознание смотрело на народ, как на активного участника в таинствах, как на соучастника, если угодно, даже как на сослужителя, а не на пассивного посетителя храма, зрителя и слушателя. Этот древний взгляд нисколько, конечно, не умалял необходимости богоустановленной иерархии» [6, 128]. Однако со времени почти все это исчезло.

Очевидно, разрыв между разговорной речью и богослужебным языком будет только увеличиваться, в том числе в связи с агрессивной интеграцией в современный русский язык иностранных слов, а через это и «изменением мышления, и, как следствие, отдалением русского человека от понимания основ церковнославянской картины мира» [4, 35].

Одновременное, живое сосуществование церковнославянского и русского языков, берет свои истоки с самого появления письменности на Руси и не заканчивается до сих пор. Эти языки не были строго разделены между собой в том смысле, что общая языковая картина древней Руси представляла собой некую ступенчатую иерархическую пирамиду, в которой на средних ступенях церковнославянский язык обогащал разговорный древнерусский. Примеров тому достаточно в летописях или деловой письменности. Однако по свидетельству филолога-слависта Н. Н. Дурново, почти все произведения письменности XI века «писаны на том же церковнославянском языке, и лишь немногие памятники писаны на русском языке» [4, 35], что свидетельствует о строго разграниченных функциях каждого языка.

При этом, выполняя сакральную и гимнографическую функцию в богослужении, церковнославянский язык не допускал в свою сферу разговорных русских слов, так веками сохранялась «чистота» богослужебного языка. Нельзя сказать, что церковный язык не изменялся, так же как нельзя его назвать мертвым, однако развитие русского и церковнославянского языков исторически складывалось по-разному.

Первостепенная задача, стоявшая перед святыми Кириллом и Мефодием, заключалась в том, чтобы слова создаваемого ими языка смогли вместить то богатство и разнообразие смыслов, которые заключали в себе единицы греческого языка, отражавшие реалии духовного порядка.

При этом святые Кирилл и Мефодий и их соратники зачастую производили так называемый «калькированный» перевод. И в этом заключается их неопределимый труд: ими осуществлен синтез двух культур, на стыке которых родился новый язык. Можно сказать, что в старославянском языке столкнулись две языковые картины мира, смыслы и понятия одной из которых отразились и раскрылись в другой.

В процессе того, как старославянский язык постепенно обретал свои особенности в каждой из славянских народностей, выкристаллизовывался церковнославянский язык. Он сохранил в себе стройность и красоту, многогранность и глубину византийского богословия и гимнографии, однако доносил и доносит их до сознания верующего человека славянской ментальности знакомыми словами.

Наиболее точное и глубокое объяснение слов церковнославянского языка дают святоотеческие учения и толкования в силу того, что святые отцы и подвижники Церкви опытно пережили ту реальность, которую призваны передавать эти слова. В них выражены взаимоотношения Бога и человека. Необходимо признать: языковая картина мира церковнославянского языка непосредственным и теснейшим образом связана с церковным учением. Поэтому данный язык и именуется церковным: он используется в богослужении и выражает истины и смыслы православного вероучения [9, 9].

Так, в других славянских языках, кроме украинского и белорусского, слово «семья» отсутствует. В сербском языке – *породица*, в словенском – *druzina*, чешском – *rodina*.

Также параллели с русским словом *семья* есть в группе балтийских языков, находящихся со славянскими в родстве. Несмотря на то, что корень в этом слове – *семь*, это не числительное. Так славяне в глубокой древности называли

«личность», и в таком случае собирательное имя, образованное от этого корня, будет «семиа», «семья» [5].

Сравнивая семантику этого слова со схожими значениями в балтийских языках, Б.А. Ларин считал, что древнейшее его значение: «большая семья, в которую входили только родственники», только «свои». «Это было наследием родоплеменной эпохи. Но со временем за счет хозяйственных связей происходило увеличение круга «своих», когда он «постепенно пополнялся рабами и прислугой» [7, 97].

Со временем у слова семья появилось иное, новое значение – «хозяйственный коллектив, состоящий из лиц родственных и неродственных, то есть все, живущие в доме, живущие под одной крышей, в том числе и слуги, рабы».

У слова «семья» появляется еще одно – уже переносное – значение: «жена». В актах Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря содержатся сведения о вкладчиках, и об одном из них записано так: «Дал вкладу... Климентий Еутропьевъ сынъ Тропина за себя да за детей своихъ – за сына за Матфея да за Исаию да за Ивана да за семью свою Матрену да за дочь за Олену за здравье поминати... полчетвертатцать рублевъ» [8].

Значение «жена» сохранилось в некоторых русских народных говорах, а также в песнях и былинах. Стоит привести пример из одной былины, записанной А. Гильфердингом на реке Онеге: «Здравствуешь Добрыня сы Никитич, Со своею да с любимой семьей, С той было Маринушкой Кайдальевной» [9, 29].

В.В. Колесов отмечает: «В деловом языке Древней Руси (до начала 15 века) слово семья стало уже употребляться и в значении «группа близких родственников (муж, жена, родители, дети), то есть уже без челяди в ее составе. В современное время это слово употребимо именно в этом значении» [7, 101].

Многое говорит и современная ошибочная этимология слова «семья» – «семьи (и) я» Несмотря на то, что семьи с большим количеством детей в западных странах уже давно воспринимается как что-то устаревшее, все-таки еще сохраняется признание того, что истинная семья и должна быть большой.

Кроме всего прочего, «семь я» есть образ некоторой законченности бытия, совершенства. Имеется в виду не социальный уровень, а, скорее, уровень человеческого «Я», ибо личное бытие не может быть в полноте, являясь замкнутым. Полнота бытия предполагает многоединство, которое обретается через любовь, дружбу, родство по духу и плоти. Именно это интуитивно чувствуют те, кто проводит указанную выше народную этимологию слова «семья» [7, 266].

Есть также версия, что этимологически слово «семья, семейство» восходит к слову «семя» [2, 351]. Семья – семя, которое разрослось, то, что происходит от него.

В этом ключе можно говорить, например, о «семье братских народов», но лишь в той мере, в какой реальной частью мировоззрения и элементом жизни является осознание общности происхождения от единого семени праотцов. При этом, разумеется, «семя» рассматривается как некий образ, родственный, например, образу «корней» или даже «матери-земли» [1, 21].

Итак, следует еще раз указать на основания сближения таких разных явлений, как «дом», «род» и «семья».

Во-первых, важна их генетическая связь: дом представляет собой продукт внутреннего разделения родового быта, тогда как сегодняшняя семья – продукт преобразования дома в современном мире.

Во-вторых, данные явления образуют, каждое для своего времени, первичное лоно человеческого бытия. Человек когда-то рос в лоне рода, еще сравнительно недавно в лоне дома, теперь же он возрастает в лоне семьи.

Вместе с тем сама по себе «семья» в современном понимании явление сравнительно молодое. То есть семья именно в значении нуклеарной супружеской семьи.

В Средневековой Европе не было даже самого термина «семья». Человек в то время жил под одной крышей не только с детьми или близкими родственниками – существовал род, дом в истинном его значении [9, 103].

Для более тонкого понимания слова «семья» в рассматриваемом ракурсе, стоит сделать еще одно лингвистическое отступление и обратиться к церковнославянскому тексту Нового Завета, к тем местам, где в русском синодальном переводе Библии употреблено используется лексема «семья». Следует также, конечно, сравнить данные места с греческой и церковнославянской версией:

Тим. 5, 4:

- Греческий текст: εἰ δέ τις χήρα τέκνα ἢ ἔκγονα ἔχει μανθανέτωσαν πρῶτον τὸν ἴδιον οἶκον εὐσεβεῖν καὶ ἀμοιβὰς ἀποδίδοναι τοῖς προγόνοις τοῦτο γάρ ἐστιν ἀπόδεκτον ἐνώπιον τοῦ θεοῦ
- Церковнославянский перевод: **Ѣще же ка́къ вдовица ча́да и́ли внѣчата ѿмать, да оуча́тца прѣжде сво́й до́мъ бл҃гочѣнѣвъ оустро́ити и́ взаѣмъ возда́ти родите́лемъ: сѣе бо ѣсть бл҃гоу́бно прѣдъ вѣ́омъ.**
- Синодальный перевод: «Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою **семью** и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу».

То есть в греческом и церковнославянском текстах имеется в виду не «семья» в современном понимании, а именно «дом» с домочадцами как целостный организм, в рамках которого должны возрасть эти «чада и внучата».

В первом послании к Коринфянам, 16, 15:

- Греческий текст: παρακαλῶ δὲ ὑμᾶς ἀδελφοί οἴδατε τὴν οἰκίαν Στεφανᾶ ὅτι ἐστὶν ἀπαρχὴ τῆς Ἀχαΐας καὶ εἰς διακονίαν τοῖς ἀγίοις ἔταξαν ἑαυτοῦς
 - Церковнославянский перевод: **Молю же вы, бра́тие: вѣ́сте до́мъ стефанѣновъ, яко ѣсть нача́токъ Аха́и, и въ слѣже́нїе свѣ́тымъ ѹчиниша себѣ:**
- Синодальный перевод: Прошу вас, братья, вы знаете **семейство** Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым.

В подобных случаях можно видеть, что слово «семья» употребляется лишь в современном русском переводе. В оригинальном же и церковнославянском текстах используется слово «дом», «домашние».

И здесь надо отметить: семантика слова *oikos* соответствует весьма широкой области современных понятий, которые, тем не менее, для людей были когда-то соединены неразрывно: «*oikos*» – 1) дом, жилище, 2) имущество, состояние, 3) род, семья, семейство, домочадцы, 4) народ, отечество, 5) храм, святилище. Все эти разнопорядковые для современного сознания вещи обозначаются одним словом. Вернее сказать, для обозначения каждого из этих понятий существуют и специальные слова, но в этом – *oikos* – все эти смыслы сходятся воедино» [13, 44].

Так, например, в греческом языке есть специальное слово для обозначения семьи – *epistion*, от *istie* – «домашний очаг», то есть буквально «находящиеся, собранные вблизи очага», однако оно имеет несколько «книжный» искусственный характер, свойственный ионической прозе и эпической поэзии. Неудивительно, что в тексте Нового Завета оно не встречается [1, 14].

Выводы

Лингвокультурологический подход ориентирует исследователей на изучение культурно-универсальных концептов, содержание которых обусловлено как общностью человеческого бытия, так и национально-культурной спецификой. Выражение словом понятий языка у всех этносов различно и неоднозначно: это обуславливается спецификой условий жизни, разным течением истории, индивидуальным социальным сознанием.

Все это имеет проявление в категоризации реальности, выражаясь в грамматике и лексике. К числу таких универсально значимых явлений относится понятие «семья», которое является важнейшим ориентиром человеческого поведения.

Обращение к изучению церковнославянской языковой картины мира продиктовано тем, что общность церковнославянского и русского языков является причиной формирования некой общей церковнославяно-русской

языковой картины мира, отраженной в сознании носителей русского языка. Серьезное отношение русского народа к семье, браку, воспитанию детей во многом подверглось влиянию религиозных установок, которые, в свою очередь, незаметно отражались в богослужебных текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисина С. С. Социокультурные архетипы семьи и брака. Тюмень, 2002.- 186 с.
2. Буйло Б.И. Судьба России в творчестве И.А. Ильина. М.: Эксмо, 2006.
3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983. - 412 с.
4. Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М.: Наука, 1964. М. – 350 с.
5. Занегина Н. Н. канд. фил. наук. Концепт "семья" в русском литературном языке и принципы его описания// URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-semya-v-russkom-literaturnom-yazyke-i-printsipy-ego-opisaniya> (дата обращения: 07.02.2018)
6. Киприан (Керн), архим, Евхаристия. Отдел 2. Объяснение Литургии (Литургия оглашенных), изд-во храма свв.бесср Космы и Дамиана на Маросейке, М., 2006. - 336 с.
7. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. - 328 с.
8. Ларин Б. А. Материалы по литовской диалектологии// Язык и литература. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. - 96 с.
9. Народное радио. На что клад, когда в семье лад// URL: <http://www.pravoslavie.ru/36835.html> (дата обращения: 01.03. 2018)
10. Онежские былины, записанные Гильфердингом. СПб., 1873, -382 с.
11. Радостная весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого и прим. В.Н. Кузнецовой. — М.: Рос. Библейское о-во, 2001.-130 с.

12. Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. - М.: Греко-латинский кабинет, 2005. -102 с.

13. Человек в кругу семьи: Очерк по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. - М.: РГГУ. С. 103

REFERENCES

1. Anisina S. S. Sociokul'turnye arhetipy sem'i i braka. Tyumen', 2002. 186 s.
2. Bujlo B.I. Sud'ba Rossii v tvorchestve I.A. Il'ina. M.: EHksmo, 2006.
3. Bromlej YU. V. Oчерki teorii ehtnosa. — M.: Nauka, 1983. - 412 s.
4. Durnovo N. N. Vvedenie v istoriyu russkogo yazyka. M.: Nauka, 1964. M. 350 s.
5. Zanegina N. N. kand. fil. nauk. Koncept "sem'ya" v russkom literaturnom yazyke i principy ego opisaniya// URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-semya-v-russkom-literaturnom-yazyke-i-printsipy-ego-opisaniya> (data obrashcheniya: 07.02.2018)
6. Kiprian (Kern), arhim, Evharistiya. Otdel 2. Ob"yasnenie Liturgii (Liturgiya oglashennyh), izd-vo hrama svv.bessr Kosmy i Damiana na Marosejke, M., 2006. - 336 s.
7. Kolesov V. V. Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2000. - 328 s
8. Larin B. A. Materialy po litovskoj dialektologii// YAzyk i literatura. L., 1926. T. 1. Vyp. 1. - 96 s.
9. Narodnoe radio. Na chto klad, kogda v sem'e lad// URL: <http://www.pravoslavie.ru/36835.html> (data obrashcheniya: 01.03. 2018)
10. Onezhskie byliny, zapisannye Gil'ferdingom. SPb., 1873, -382 s.
11. Radostnaya vest': Novyj Zavet v perevode s drevnegrecheskogo i prim. V.N. Kuznecovoj. — M.: Ros. Biblejskoe o-vo, 2001.-130 s.

12. Sedakova O. A. Cerkvnoslavyano-russkie paronimy. Materialy k slovarju. - M.: Greko-latinskij kabinet, 2005. -102 s.

13. Chelovek v krugu sem'i: Oчерk po istorii chastnoj zhizni v Evrope do nachala novogo vremeni / Pod red. YU.L. Bessmertnogo. - M.: RGGU. S. 103